

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

искусство детектива

Мертвые воды Московского моря

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе
Мертвые воды
Московского моря
Серия «Частный детектив
Алексей Кисанов», книга 10

Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=152596

Гармаш-Роффе Т. В. Мертвые воды Московского моря: Роман: Эксмо;

М.; 2006

ISBN 5-699-16207-0

Аннотация

Афанасий Карачаев найден мертвым в своей квартире. Официальное заключение о смерти указывает на сердечную недостаточность, но Ляля, любившая Карачаева, этому заключению не верит. Она обращается к частному детективу Алексею Кисанову, который берется за дело. Очень скоро становится ясно, что Карачаеву помогли отправиться на тот свет. Но это был первый и последний ясный пункт в этом деле: дальше – сплошные загадки. Самым таинственным образом исчезает дочь Афанасия Карачаева, и детектив ищет ее следы в темных водах Московского моря. Версии множатся, как молекулы в органической химии. Наследство? Бизнес-интересы? Мсть

брошенной любовницы? Никогда еще у Алексея Кисанова не было такого мутного дела! Разгадка блеснет только в самом конце...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	40
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	67
Глава 8	76
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Татьяна ГАРМАШ-РОФФЕ

МЕРТВЫЕ ВОДЫ

МОСКОВСКОГО МОРЯ

Автор выражает огромную признательность за консультации участникам форумов на сайте больных диабетом <http://www.dialand.ru/> и на сайте судебно-медицинских экспертов <http://www.sudmed.ru>

Глава 1

– ...Умер дорогой мне человек... – Сидящая напротив женщина посмотрела Алексею в глаза и повторила с нажимом: – Очень дорогой. И я хочу узнать, почему!

Она позвонила час назад. Солнце беспардонно лезло в комнату сквозь плотные занавески, и стыдило, и к совести нещадно взывало, грубо намекая, что рабочий день уже давно начался. Начался-то он начался, кто же спорит, на часах одиннадцать, – но сегодня у обоих в кои веки выдался день спокойный и неспешный, и они все еще нежились в постели, то ласкаясь, то снова засыпая...

Приподнявшись на локте, он ухватил трубку. Александра,

полупроснувшись, обвила его рукой. Ужасно не хотелось, чтобы это утро кончалось...

– Новая клиентка, – проговорил он с сожалением, положив трубку на место. – Будет здесь через час.

– В таком случае у тебя есть еще полчаса для меня, – плотоядно облизнулась Александра, не размыкая век.

– Неужто тебе полчаса хватит?

– Размечтался! Недостачу я вечером взыщу, – засмеялась она, притягивая его к себе.

В душ Алексей помчался только пятнадцать минут назад, заглотнул на ходу чашку кофе с первым подвернувшимся печеньем; с разбегу вскочил в костюм и теперь восседал на рабочем месте, строгий и подтянутый. Благо бежать было недалеко: из спальни своей большой старой квартиры на Смоленке он просто переместился в соседствовавший с ней кабинет. Ласки Александры все еще отзывались в его теле блаженной ленью, и Алексей надеялся, что его строго подтянутый вид не слишком фальшив, а щеки не излишне румяны.

– Надо понимать, что официальный диагноз вас не удовлетворяет? – обратился он к клиентке.

– Именно.

Она умолкла – видимо, решила предоставить детективу право задавать вопросы. Алексей тоже помариновал паузу: он предпочитал, чтобы клиент выдавал ему поток сознания, не направленный его руководящей рукой. Пока что он, отго-

няя от себя сладостную лень, разглядывал женщину. Высокая брюнетка, смуглая, худая, с широкой костью, – про таких иногда говорят: «лошадь». Выглядит лет на сорок, ухожена; одета в бирюзовый брючный костюм, дополненный шейным платком, заколотым сбоку брошью из бирюзы, и крупными серьгами из того же камня.

За годы практики Алексей научился обращать внимание на одежду: она говорила о характере, а характер – о складе ума. Непомерное желание нравиться, заметное в одежде, рассказывало о болезненном тщеславии, – и тогда детектив готовился услышать немало лжи: подобные люди будут подавать события исключительно в свете, выгодном для них, нимало не заботясь о том, как все происходило на самом деле.

Полное пренебрежение к одежде почти всегда было свидетельством асоциальности, трудного и негибкого характера, который непременно сказывается на мышлении человека, приводя к неповоротливости ума.

Что же до вкуса (который Алексей ощущал как некую гармонию в сочетании вещей), то люди, им не обладающие, обычно плохо сопоставляли различные факты и не «секли» нюансы...

Этой клиентке детектив проставил плюсы во всех графах, кроме одной: ей почему-то решительно не шел бирюзовый цвет. Детектив не знал, в чем тут фокус, но этот цвет был отдельно от нее, вот и все.

Дама не представилась, но и Алексей не торопился: ее имя

значило куда меньше, чем дело, с которым она к нему пришла. И именно о нем он хотел услышать. Однако клиентка по-прежнему молчала, и Алексею пришлось взять инициативу на себя.

– О каком человеке идет речь? Кто вы ему? И как он умер?

– Этот человек всегда занимал крупные посты. Он был хорошо известен в определенных сферах, хотя публично его имя упоминалось редко... Я назову вам его фамилию только в том случае, если вы возьметесь за дело.

Редко или нередко, но некрологи в газетах недавно были, и Кисанов немедленно догадался, о ком идет речь. Однако смущать посетительницу не стал.

– Я ему была... Как сказать... В русском языке нет достойного слова, чтобы обозначить такого рода отношения... Я была ему женой, но отношения мы не регистрировали.

Алексей понимающе кивнул. У него у самого была похожая ситуация: любимая женщина, с которой они не оформляли брак по тысяче мелких причин – ни одной веской среди них не имелось. Поначалу он запинался, когда представлял Александру знакомым. «Гражданская жена» пахло протоколом, «подружка» – инфантилизмом, «сожительница» – пошлостью, а «любовница»...

Одна его давняя клиентка, психолог, как-то сказала: «Не надо стесняться этого слова, оно хорошее. «Любовница» происходит от слова «любовь», а «жена» – так, всего лишь от старинного обозначения женщины, не более...» Однако

совершать переворот в русском языке (или менталитете?) Алексей не рискнул и называл Александру просто «любимой женщиной», что наиболее точно соответствовало ее статусу в его жизни.

– ...Мы разошлись больше трех лет назад. Но он остался для меня дорогим человеком, даже если наши отношения прекратились. Теперь о том, как он умер: это никому не известно. Он должен был уехать в отпуск, и никто его не искал. Спустя неделю его племянник пришел проводить квартиру, а нашел почти разложившийся труп.

Она говорила лаконично, сдержанно, последовательно. Наверняка развитый интеллект: цепко держит мысль, не отвлекается. Скорей всего, научный работник, защитила диссертацию, пишет статьи...

– Заключение о причинах смерти есть?

– Разумеется. Ишемическая болезнь сердца.

– И оно вас не устраивает.

– Нет. Это достаточно стандартный вывод в тех случаях, когда судебный эксперт не может установить причину смерти. А учитывая состояние трупа, он не мог ее установить. Но я сама медик. И я знала этого человека. У него было здоровое сердце. Он занимался в спортзале, очень следил за собой.

– Но вы расстались три года назад...

– Иногда созванивались, реже встречались. Меня интересовало его здоровье. Кроме того, вы можете легко получить подтверждение у его лечащего врача.

– Значит, вы как медик полагаете, что...

– Именно. Сердце тут ни при чем.

– Он жил один?

– С дочерью... Но она в этот момент находилась в отпуске. Впрочем, она и сейчас там находится. С ней не сумели связаться, и похороны прошли без нее.

– У вас плохие отношения с его дочерью? – предположил Алексей, уловив особую сухость тона в последней фразе.

– У меня с ней *никаких* отношений. Мы расстались вскоре после того, как она переехала жить к отцу.

За ее словами чувствовалась целая история и даже, возможно, целая драма. Но любопытствовать было преждевременно. Пока что детектива интересовали самые первые и основные факты.

– Следы взлома квартиры имелись?

– Нет, насколько мне известно. Учтите, что я все знаю только со слов его племянника.

– Учту. А следы борьбы в квартире?

– Тоже нет.

– Следы насилия на теле?

– Очень сложно сказать, учитывая состояние трупа. Если и были, то исчезли. Аутопсия проводилась стандартно, а в милиции палец о палец не ударили для осмотра места происшествия. Все ограничилось приходом участкового и отправкой тела в морг. Если бы экспертиза показала, что это убийство, то следствие бы начали, конечно. Но экспертиза не по-

казала. А милицию это очень устроило, как я понимаю.

Надо признать, что понимала она верно. Алексей Кисанов сам много лет проработал на Петровке, да и теперь связь с коллегами не потерял. Потому и хорошо представлял, что убийство крупной шишки чревато для милиции постоянным намыливанием шеи со стороны начальства и неприятным зудом в другом месте, через которое обычно влезают журналисты. Куда радостнее списать смерть на естественные причины...

– В квартире ничего не пропало?

– По словам племянника, нет.

– Вам известно, в каком положении он нашел тело?

– Как если бы человек упал, не дойдя до кровати.

– И вы при всем при этом подозреваете убийство? – спросил он женщину в бирюзовом костюме, которая до сих пор ему не представилась.

– Он был болен диабетом. Вам известно, что это такое?

– В самых общих чертах. Уколы с инсулином.

– Смотря какой диабет. Уколы обязательно делаются при диабете первого типа. Он возникает у людей достаточно рано, иногда в детстве, и чаще всего объясняется генетической предрасположенностью. Диабетом второго типа заболевают обычно после сорока. При нем больные могут лечиться таблетками, хотя со временем тоже переходят на уколы. Но у него был диабет первого типа. То есть он должен был постоянно делать уколы с инсулином. Думаю, что подробнее вам

не надо.

– Пока нет, – согласился детектив.

Женщина одобрительно кивнула, и Алексей Кисанов подумал, что она наверняка преподает: так кивают студентам на экзамене, пока они не несут чушь.

– Я подозреваю диабетическую кому.

Алексей посмотрел на нее повнимательнее. Черты ее лица вполне приятны, но выражение сухой строгости делает его неженственным. Оно напоминало запертую на замок дверь, открывавшуюся трудно, редко и со скрипом.

– Я не медик, – напомнил он. – Вам придется мне объяснить.

– В двух словах. У больного диабетом очень строгая зависимость от приема пищи и уколов с инсулином. Все должно быть точно дозировано и принято четко по расписанию. Если нарушить этот порядок, то может случиться гипергликемия или гипогликемия. То есть избыток глюкозы в крови или ее недостаток.

– Это смертельно?

– Нет, если сразу принять меры. И все диабетики прекрасно знают, что делать в таких случаях. Кроме того, они имеют при себе глюкометры, которые...

– Как вы сказали? *Глюко-метры*?

– Именно, – она поджала губы. – Это не для того, чтобы измерять «глюки». Это для измерения глюкозы.

– Извините.

– ...которые показывают точный уровень сахара в крови.

Сахар – это и есть глюкоза.

Детектив кивнул: мол, я в курсе, еще в школе проходил...

Но почувствовал раздражение от ее менторского тона.

– Вы преподаете? – спросил он.

– Да. Я профессор, доктор медицинских наук. Это имеет отношение к делу?

– Имеет. Мне не нравится ваш тон. Я не студент.

Она удивленно уставилась на него. И вдруг улыбнулась.

– Вы правы. Я знаю за собой этот недостаток...

Атмосфера словно разрядилась с ее улыбкой. Детектив и посетительница обменялись потеплевшими взглядами.

– Вы остановились на глюкометрах...

– Они значения не имеют. Важно другое: диабетик не только сам прекрасно распознает неполадки в организме, но и может их с точностью диагностировать при помощи глюкометра и разных других тестов. После чего он принимает срочные меры. Либо выпьет сладкий сок, либо добавит порцию инсулина.

– Сладкий – чтобы повысить сахар, а инсулин – чтобы понизить?

– Верно. Вы способный студент, – улыбнулась она.

«Странно, – озадачился детектив, – когда она улыбается, ей начинает идти бирюзовый цвет!»

– Как вас зовут?

– Ляля. Елена то есть.

Имени «Ляля» бирюзовый цвет шел еще больше. Но детектив фамильярничать не стал и выбрал строгое «Елена».

– Иными словами, Елена, вы подозреваете, что кто-то мог помешать ему принять необходимые меры, отчего и случилась кома? Из которой человек уже не вышел?

– Именно.

– В таком случае мне понадобится осмотреть квартиру погибшего. Причем в вашем обществе – без медика я могу упустить важные детали. У вас есть ключи?

– Если бы они у меня были, я бы уже давно сама все исследовала.

Алексей усмехнулся: выходит, Ляля его нанимала на добычу ключей?!

– Там укрепленная дверь?

– Да, и с сейфовыми замками – изготовлена по индивидуальному заказу.

Значит, отмычки, о которых первым делом подумал детектив, отпадают. Стало быть, придется добывать настоящие ключи. Они имеются у племянника – коль скоро именно он явился в квартиру и обнаружил тело. И еще у дочери покойного – коль скоро она жила в той же квартире. Но ее нет в городе.

– А племянник?

– У него ключи есть. Проблема, однако, в том, что я уже давно *никто* его дяде и не могу вот так явиться и попросить

ключи... У меня нет никакого предлога. А объяснять ему мои истинные намерения я не собираюсь.

– Вы полагаете, что он мог бы...

– Не могу этого исключить. Он неплохой мальчик – но в жизни очень много «неплохих мальчиков», способных на подлости...

В глазах ее зажегся недобрый огонек. М-да, немало досталось, должно быть, этой бирюзовой лошади с нежным именем Ляля за ее жизнь...

Алексей помолчал, раздумывая. Ляля ждала, не проявляя никакого беспокойства. Все-таки приятно иметь дело с умным человеком: он понимает, что, кроме разговорной деятельности, существует еще и мыслительная.

Плод своих размышлений он выдал минуты через три.

– Вы сможете явиться к племяннику вместе со мной и представить меня как своего друга?

– Зачем это? – с подозрением спросила Ляля.

– Вы звоните племяннику... Как его имя, кстати?

– Иннокентий. Кеша.

– Вот, Кеше. И говорите, что нашли у себя ключи от квартиры покойного и хотите ему вернуть. У вас дома наверняка завалялись какие-нибудь старые ключи, вот и подберите связочку. Желательно похожую на искомую.

– Это не так просто. Пара ключей очень хитрые.

– Вы имеете право забыть за три года, как они выглядят.

Кеше скажете, что не совсем уверены, что это ключи от квартиры покойного...

– Его звали Афанасий Павлович Карачаев.

Видимо, Ляля сочла, что коль скоро детектив взялся за столь сложное дело, как добыча ключей, то ему можно доверить и имя «дорогого человека». Что ж, Алексей не ошибся: именно на смерть Карачаева он читал некрологи.

– После чего вы под это дело напрашиваетесь к Кеше на чашку чая, являетесь к нему в моем обществе, представляете меня как друга – типа мы с вами заехали к Кеше по дороге в... ммм... ресторан, например...

Ляля посмотрела на детектива заинтересованным взглядом – словно прикидывала, как бы они смотрелись рядом, если б и в самом деле отправились в ресторан. Уголки ее губ тронула легкая улыбка, и она кивнула – не как преподаватель кивнула на этот раз, но как женщина. Надо думать, детектив выдержал экзамен на ресторанного спутника с оценкой никак не менее «удовлетворительно».

– ...И просите показать связку ключей от квартиры Карачаева, чтобы сверить, – закончил несколько смущенный детектив.

– Но Кеша скажет, что ключи не те!

– Верно. Но зато я узнаю, где он хранит «те».

– Вы их выкрадете?

– Это уж моя забота. Ключи у нас будут – вот и все.

– Ваш гонорар?

Кисанов порадовался этому вопросу. К нему не так уж редко обращались люди, которые до сих пор полагали, что «все вокруг народное, все вокруг мое». Когда детектив называл стоимость своих услуг, с ними случался шок. В начале своей карьеры он еще объяснял: у нас капитализм нынче, сударь (сударыня). Бесплатно вам и кусок хлеба в магазине не дадут, не так ли? Всякая работа денег стоит и должна быть оплачена, вы ведь тоже не за бесплатно работаете...

Но больше агитацией он не занимался: пустое дело. Совок не поймет, а не-совок к нему и сам приходит с правильным пониманием вещей. Теперь он только произносил сакраментальную фразу: «Мой гонорар... Плюс оплата издержек...»

Исключением, – когда он работал без оплаты, – были редчайшие случаи с близкими людьми.

Сумма, которую он назвал Елене, была невелика: пока что он брался только за добычу ключей и осмотр квартиры. Ляля согласно кивнула и отсчитала деньги.

– Если дело продвинется дальше, то вы мне назовете следующую сумму, – строго сказала она.

Алексей Кисанов охотно заверил ее, что именно так и поступит.

Глава 2

Она позвонила через день. Встреча с Кешей была назначена, и Алексей, повязав ненавистный галстук (статус «друга» профессорши обязывал), отправился с Лялей к племяннику погибшего Афанасия Карачаева.

– Тетя Ляля! – воскликнул в прихожей Кеша. – Проходите, проходите, рад познакомиться, – это уже Алексею.

Елена успела шепнуть, что «тетей Лялей» Иннокентий повадился ее называть, когда она жила вместе с Афанасием, его дядей, – вроде как на правах «тети».

Кеша показался Алексею типичным анекдотным интеллигентом. Тщедушный, в очках, он, как выяснилось, был аспирантом исторического факультета. Его мать, сестра могущественного Карачаева, умерла несколько лет назад, и дядя опекал племянника, как мог.

Детектив предоставил Елене вести «родственный» разговор, вопросов не задавал: они преждевременны. Вот если что-то обнаружится в квартире, тогда и посмотрим. На данном этапе его задача ограничивалась ключами.

...Все прошло как по маслу. Дядину связку Кеша снял с ключницы в коридоре, показал: «Видите, тетя Ляля, ничего общего!»

Вот и чудненько: слепок стоил детективу всего лишь одного похода в туалет.

...Два ключа из четырех действительно оказались очень «хитрыми», и пришлось Алексею ждать пару дней, пока задушевный друг-слесарь изготовит ему точные копии. Даже универсальные отмычки для детектива он срабатывал быстрее!

Но все же через два дня они с Еленой входили в квартиру Карачаева на проспекте Вернадского.

«Следов взлома квартиры Карачаева не обнаружили», – вспомнил детектив, принаравливаясь к замкам. В это Алексей охотно поверил. Такие замки по зубам только избранным специалистам. Но подобные специалисты взламывают их с целью ограбления, а в квартире Карачаева ничего не взяли. А вот зато копии с ключей сделать можно, хоть и непросто: он только что сам убедился в этом... Впрочем, об этом размышлять еще рано.

– Ни к чему не прикасайтесь. Если увидите что-то подозрительное, зовите меня, – предупредил детектив, входя в квартиру.

Елена обещала, и Кисанов доверился ее мозгам, которые работали весьма четко. Они разделились: Ляля отправилась изучать содержимое холодильника и показания глюкометра, Алексей же внимательно осматривал, предмет за предметом, всю квартиру.

Она была огромной. Помимо четырех просторных комнат (гостиная, кабинет и две спальни), здоровой кухни и

бесконечного коридора, в ней имелось три глухих чулана. В комнатах царил порядок, одна спальня выдавала мужское присутствие, другая – женское: дочери, стало быть. В гостиной на одной из полок стояло несколько фотографий. Кучерявый, темноволосый, массивный, но подтянутый мужчина, присутствовавший на всех них, был, без сомнения, сам Карачаев. Алексей бы не удивился, если б оказалось, что Карачаев родом из кубанских казаков. На одной фотографии он узнал Кешу, еще подростком; женщина рядом была, со всей очевидностью, его матерью, то есть сестрой Карачаева, уже покойной. На другой фотографии Карачаев стоял, обнимая за плечи темноволосую девушку лет восемнадцати, очень миловидную. Следующая фотография запечатлела родителей Карачаева – сам он, совсем молодой, стоял между маленькой кругленькой матерью и высоким крепким отцом. Три последних снимка зафиксировали Карачаева с еще одной девушкой, постарше первой, но на нее похожей: прямые каштановые волосы до плеч, темные глаза, красиво очерченный рот... Одна из них дочь, другая любовница? Или дочь подросла и немного изменилась?

Алексей гадать не стал – сейчас его интересовало исключительно состояние квартиры и возможные находки, которые могли бы пролить свет на причины смерти Афанасия Павловича. По той же причине он не заинтересовался и бумагами на письменном столе в кабинете.

Закончив осмотр, он обнаружил, что Елена стоит в гости-

ной спиной к окну – руки сплетены на груди, а взгляд примерз к стене.

– Елена? – потревожил ее задумчивость детектив. – Вы что-нибудь нашли подозрительное?

...Она не нашла. В холодильнике имелось все, что нужно диабетiku, начиная от коробок с картриджами для «длинного» и «короткого» инсулина и кончая продуктами. Она ни к чему не прикасалась, коробок не открывала, как велел Алексей Кисанов, но для просмотра показаний глюкометра испросила разрешение детектива. Глюкометр зафиксировал нормальное для диабетика содержание сахара в крови, а дата на приборе указывала на последний вечер перед смертью.

Кисанов затребовал комментарии к «длинному» и «короткому» инсулину.

– «Длинный» создает под кожей «депо» и впитывается медленно, постепенно, на протяжении нескольких часов. «Короткий» поступает сразу в кровь. Поэтому «длинный» колют большими дозами, а «короткий» – малыми. Люди с диабетом обычно имеют два разных шприца-ручки... Кстати, в холодильнике я видела только один.

– Второй нашел я.

– Так вот, два шприца, каждый на свой тип инсулина, – чтобы не перепутать.

– А что, их легко перепутать?

Она почему-то отвернулась к окну. Алексей чувствовал, что с ней что-то творится, но не совсем понимал, что имен-

но.

– На самом деле нет, – донесся до него приглушенный ответ от окна. – «Длинный» инсулин – непрозрачный, тогда как «короткий» – прозрачный. Разница видна на глаз.

– Посмотрите, Елена. Я нашел это под кроватью. – Алексей показал ей шприц-ручку, держа его носовым платком со стороны иглы. – Он содержит прозрачную жидкость.

Елена едва обернулась, и Алексею показалось, что у нее покраснели глаза.

– Значит, это «короткий».

– Название марки не видно...

– Мне оно все равно много не скажет... Я уже три года как не живу с Афанасием... – Ее голос едва заметно дрогнул. – С диабетиком то есть... А новые лекарства появляются как грибы...

Все понятно. Ляле, видимо, сейчас очень непросто находиться в квартире, где она когда-то жила с любимым человеком... Которого уже нет.

Надо заканчивать на сегодня, уводить ее отсюда, подумал Алексей. Он собрал заинтересовавшие его предметы в портфель и заявил, что пора уходить. И только на улице, пока они шли к припаркованным рядом машинам, он вернулся к расспросам.

– Как принимаются эти два типа инсулина?

– «Длинный» – утром и вечером, два раза в сутки. В дополнение к нему «короткий» – трижды, перед едой. Итого

– пять уколов в день. Такова распространенная схема, хотя бывают и другие.

– Вам известно, кто видел Карачаева живым последний раз? И когда?

– Кеша. Он был у Афанасия вечером... Судя по данным судебной экспертизы, Карачаев скончался в последующие сутки. Точнее они сказать не смогли.

– Странно... А время, в которое Кеша ушел, не знаете?

– Дайте подумать... На кладбище Кеша плакал и сокрушался, что провел с дядей такой славный вечер, вместе смотрели футбол, и, уходя, он и помыслить не мог, что видит его последний раз живым... Время он вроде бы не называл...

– Футбол, – ответил Алексей. – Я узнаю время по программе.

– Вы сказали «странно». О чем вы?

– Шприц, который я выудил из-под кровати... По логике вещей, из него был сделан последний укол. Потому что Карачаев, по непонятным пока причинам, почувствовал себя плохо сразу после него. Шприц выпал у него из рук и закатился. Но в шприце «короткий» инсулин, по вашим словам, то есть прозрачный. И, по ним же, его колют днем. А он вечером еще был жив-здоров!

– Не днем, а перед едой... Он мог поесть поздно.

– Однако во всех случаях укол был сделан после ухода Кеши! Иначе бы Афанасий потерял сознание у Кеши на глазах, и тот должен был бы оказать ему немедленную помощь или

хотя бы вызвать «Скорую»... Чего не случилось.

– Я вспомнила: Кеша говорил, что ужинал с дядей!

– Так-так... Стало быть, «короткий» инсулин он ввел себе перед ужином, верно? И продолжал быть жив-здоров... Непонятно тогда, отчего упал шприц... Но всяко бывает. Может, не упал, может, его позже нечаянно смахнули с тумбочки, к примеру... А вот что интересно: кто помыл посуду после ужина?

– Кеша наверняка. Он очень выслуживался перед дядей – ведь тот ему постоянно подкидывал на жизнь, причем немало. Афанасий чувствовал себя в долгу перед умершей сестрой...

– В таком случае почему Кеша не помыл три стакана, которые я обнаружил в мойке? Дядя пил с племянником позже? Под футбольный матч? Но тогда третий стакан чей? Или кто-то другой навестил его в тот же вечер?

– Найдите мне ответы на эти вопросы, Алексей. – Ляля повернулась к нему, и детектив снова увидел недобрый огонек в ее глазах. – Сколько бы это ни стоило!

Вопросов у Алексея образовалось еще множество, но он не стал грузить ими Лялю, которая и без того выглядела подавленной. Они распрощались, и детектив поехал к себе на Смоленку, чтобы как следует подумать.

Шалопая Ваньки, его жильца и ассистента, дома не было. В последнее время он все чаще пропадал у какой-то девицы.

Похоже, малец вырос, а Алексей как-то и не заметил... Ванек жил у детектива уже несколько лет, выполняя несложную ассистентскую работу в качестве платы за жилье. Алексей привык к нему. Нет, не так: он привязался. Они с Ванькой давно стали друзьями, несмотря на разницу в возрасте. И сейчас, войдя в пустую квартиру, детектив вдруг подумал, что Ванюшка, того и гляди, заведет семью и съедет из его большой квартиры на Смоленке...

От этой мысли сделалось тоскливо и захотелось позвонить Александре, любимой женщине, да пойти поужинать с ней в ресторан... Но у Александры, известной журналистки, сегодня имела место какая-то светская тусовка, от которой никак нельзя было уклониться. А ему самому следовало серьезно поразмыслить. И потому, перекусив в одиночестве, Алексей устроился на самом «размыслительном» месте в мире: в большом черном кожаном кресле перед компьютером. Сигареты на месте, кружка кофе тоже – можно начинать!

Больше всего его пока занимал найденный шприц. Из него ли был сделан последний укол? В таком случае шприц выпал из рук и закатился, когда Карачаев падал, теряя сознание. Что вполне соотносится с местом нахождения тела: в спальне.

Но, по словам Ляли, в нем находился «короткий» инсулин, который колют *перед* едой. А ужинал Карачаев с Кешой и был жив. Тогда одно из двух: либо Кеша соврал, либо укол тут ни при чем.

Если Кеша соврал, то дело нечисто. Просто даже так-таки грязно: в таком случае он причастен к смерти Карачаева, случайно или намеренно. Иначе ему врать было бы незачем.

Если же Кеша не соврал, то Афанасий Павлович был вполне здоров, когда племянник уходил, и собирался спать. Перед сном же ему следовало сделать еще один укол: с «длинным» инсулином. Вторая ручка-шприц находилась в холодильнике. Стало быть, и этот укол не произвел на диабетика никакого мгновенного отрицательного действия: ведь он в таком случае сходил и положил ручку на место в холодильнике... Тогда допустим, что найденный под кроватью шприц упал не из рук Карачаева, а с тумбочки, к примеру.

Как детектив понял из объяснений Елены, гипогликемическая кома может случиться от значительной передозировки инсулина. Сахар снизится мгновенно (если введен быстрогодействующий «короткий» инсулин), и человек может «вырубиться» на месте. Но с какой стати опытный диабетик будет себе передозировать инсулин? И перепутать его он не мог: один инсулин прозрачный, другой мутный...

Голова детектива вспухла от избытка новой и еще мало-понятной информации. Он был уверен только в одном: Карачаев следующего дня после ухода Кеши не прожил: мусорное ведро было абсолютно пустым. Надо думать, что услужливый Кеша, прибираясь после ужина на кухне, вынес его. И больше Карачаев в него ничего не бросил. Потому что утром

уже был мертв. От живых людей много мусора скапливается – и откуда только берется...

Хорошо, передозировать инсулин Карачаев, диабетик с большим стажем, не мог. Перепутать тоже. Ну а если кто-то впрыснул яд в картридж? Допустим, не самого быстрого действия, что позволило Карачаеву аккуратно положить на место шприц-ручку... И дойти до спальни, чтобы там упасть, смахнув заодно и предыдущий шприц, оставшийся на тумбочке в спальне...

Да, но если он такой аккуратный, то почему не убрал и этот шприц в холодильник после укола? Обычно такие действия отработаны до автоматизма...

В общем, завтра придется топать в одну услужливую лабораторию, где за хорошие бабки ему сделают исследования в кратчайшие сроки. Так что глянем, что содержится в шприце да чьи отпечатки на нем, и на трех стаканах заодно. Хорошо бы с Кешей побеседовать, но Ляля настоятельно просила пока не действовать открыто. «Пока» – это до того момента, когда не будут найдены доказательства насильственной смерти. Если они будут найдены, конечно...

Глава 3

Ванька позвонил очень кстати.

– Кис! – завопил он в телефон. – Кис, можно я к тебе со своей девушкой приду?!

«Кис» – сокращение от фамилии, давняя кликуха, еще школьная, – крепко прилепилась к нему в компании друзей. Непочтительный Ванька ее быстро подхватил, а Кис прощал своему юному другу сию фамильярность.

– Валяй, – ответил детектив. – Когда?

– Прямо щас!

Кис поскреб буйно поросшую непослушной шевелюрой голову. Он был довольно суров в отношении тусовок, на которые Ванька был обязан спрашивать каждый раз разрешение своего работ– и квартиродателя. Не хватало Кису только полуголых девиц поутру, шастающих по квартире в поисках недостающих предметов нижнего белья! Но на пробирающуюся иногда застенчивой тенью в Ванькину комнату очередную «подружку» он смотрел сквозь пальцы: не тискаться же малыцу по подъездам, в антисанитарных условиях, верно?

Но сейчас Ваня сказал: «Можно я к тебе приду?» Это означало, что парень хочет ему представить свою последнюю пассию. Алексей как-то негласно выполнял функцию не только друга, но и «двоюродного папы» для Ваньки. Если

учесть, что своих детей у него не имелось, то... Короче, похоже, что намечались смотрины.

— Прямо вот так вот — «щас»? — уточнил он на всякий случай.

— А что, тебе в лом?

Нет, Алексею не было в лом. Он быстренько сгонял в магазин за пирожными, подмел на кухне, заварил чай и осмотрелся: кажись, к приему все готово!

Чаепитие шло весело, молодежь остряла, втягивая Киса в словесные пикировки, и он радовался за Ваню: девчушка как раз примерно то, что нужно. С ней уютно, легко и дружно — а Ваня был воспитан наглядным примером отношений Алексея и Александры, где юмор, дружность и легкость создавали обаяние их пары. Конечно, это было лишь верхушкой айсберга, в глубинах их отношений водилось еще много всякого ценного, и Ванька если этого и не знал с точностью, то чувствовал. И не было бы преувеличением сказать, что свое представление о счастливой паре он сформировал по их образу и подобию.

В общем, «двоюродный папа» остался смотринами доволен, и Ваньке, поначалу немного смущенному, несколько раз подмигивал: все путем, мол, не дрейфь!

Тем не менее под конец чаепития Кис стал совсем рассеянным, выпадал из разговора, и Ванька немедленно отреагировал:

– Что, крутое дельце попалось?

Алексей лишь кивнул, подробностями грузить ассистента не стал: парню сейчас не до сыщицких дел. Да и то, ассистентом он был больше номинально, Кис привлекал его крайне редко, в случае острой необходимости. Впрочем, именно в этих случаях помощь шалопаю была бесценна... Пока Ванек еще аспирант и пока к девушке только присматривается, а вот начнет работать, женится – и что ж тогда, нового ассистента искать?!

Он снова ощутил легкий укол тоски – наверное, так чувствуют себя родители, когда взрослые дети покидают дом... Но мысли быстро вернулись к шприцам и уколам и принялись опять прокручивать так да сяк кусочки информации, пытаясь найти места стыковки... Когда чаепитие было закончено, Алексей вышел из квартиры вместе с ребяташками. Ванька спросил:

– К Александре? Чмокни от меня!

– Да нет... Надо кое-что проверить... – уклончиво ответил детектив.

– Ну все, «Кис в сапогах»! – заржал Ванька и принялся объяснять своей девице про то особое сыщицкое состояние, в котором детектив...

Кис эту хохму знал наизусть, так что дослушивать не стал, хлопнул Ваньку по спине в знак прощания, пожал теплую ладошку девушке и снова поехал на квартиру Карачаева. Что-то он упустил, что-то недопонял – и желал восполнить про-

бел незамедлительно.

Свою ошибку он понял очень быстро: занятый найденным под кроватью шприцем и несколько сбитый с толку подавленностью Ляли, он не проверил холодильник *сам*. А именно в нем-то вся отгадка и обнаружилась. Надев перчатки, он аккуратно открыл две коробки с инсулином и увидел, что обе содержат картриджи с *прозрачным* инсулином!

На них стояла маркировка разного цвета, но детективу она ни о чем не говорила, как и названия. Он просто сделал пометки в своем блокноте, но ясно, что один из них «короткий», другой «длинный». И какой же в таком случае в шприце из-под кровати?

Ответ на этот вопрос он нашел в тот же вечер, вернувшись домой и войдя в Интернет. «Лантус», относительно недавно выпущенный на рынок, был «*длинным*» инсулином и при этом *прозрачным*, – чего не знала Ляля: расставшись с Карачаевым, она больше не следила за новинками на фронте борьбы с диабетом. Но именно он содержался в шприце из-под кровати, судя по его цветной маркировке.

Замечательное открытие. Только куда оно нас продвигает?

«Длинный» инсулин – это тот, что колют на ночь и утром. Теперь понятно, что Карачаев сделал себе укол из подкроватного шприца перед сном. Стало быть, Кеша не врал об ужине с дядей.

И, скорее всего, этот укол его и скосил: шприц он уронил, а сам, сделав шаг к кровати, упал, не дойдя до нее. Но почему??? Уж не яд ли, в самом деле, в нем содержался? И где в это время находился Кеша?! Успел покинуть квартиру или остался, глядя, как корчится дядя в предсмертных муках, чтобы удостовериться в том, что его план сработал?

Ну что ж, наберемся терпения – подождем анализа криминальной лаборатории. Эксперты пообещали ответ через день.

И через день Алексей его получил.

Во-первых, картридж, как уже понял детектив, соответствовал по маркировке «длинному» инсулину. То есть тому, который вводится в больших дозах и действует медленно.

Во-вторых, в картридже «длинного» инсулина под маркой «Лантус» содержался на самом деле «короткий» инсулин!

В-третьих, на шприце и картридже имелись отпечатки Иннокентия. Алексей предусмотрительно забрал у Ляли ключи, которые Кеша сверял со связкой дяди, – чтобы иметь «пальчики» Кеши на случай чего. И, нате вам, случай случился: эксперты подтвердили, что Кеша приложился и к тому, и к другому.

Правда, на стаканах запечатлелись чужие пальчики. Точнее, их оставил сам Карачаев (Алексей прихватил его стакан из спальни, чтобы эксперты смогли отличать отпечатки гостей от хозяйских) и еще кто-то – но не Кеша. Из стаканов

пили виски. Следовательно, кто-то навестил Карачаева поздно вечером... Скорее всего, уже после ухода Кеши, так как Кеша оставил за собой чистую раковину и чистое ведро. Карачаев сам отнес стаканы в мойку (об этом свидетельствуют его отпечатки), после чего сделал себе смертельный укол...

Хоть Алексей, углубившись в тему о диабете, уже и представлял себе картину, он все же решил свериться с Лялей, которой немедленно позвонил. Она апробировала его понимание схемы, и в результате получалось вот что.

«Длинный» инсулин действует медленно и потому вводится большими дозами. «Короткий» же действует мгновенно – и потому вводится крохотными дозами. Теперь, если человек убежден, что делает себе укол «длинного», то он вводит существенную дозу... Но, не зная о подмене, он вводит себе на самом деле **ЧРЕЗМЕРНО ВЫСОКУЮ** дозу быстродействующего «короткого» инсулина.

Наступает резкая гипогликемия, тем более на фоне алкоголя, то есть резкое снижение сахара в крови. Сначала обморок, потом кома, потом смерть... Человека можно было бы спасти кусочком сахара, стаканом сладкого сока. Но для этого нужно, чтобы кто-то находился рядом. И чтобы этот «кто-то» *желал* его спасти.

Встреча с Кешей представлялась Алексею неотложной. Ляля дала ему «добро».

Иннокентий изумился:

– Так вы не друг тети Ляли? Вы частный детектив?!

– Одно другому не мешает, – уклончиво ответил Алексей. – Расскажите мне подробно, как прошел ваш последний вечер с дядей.

– А почему вы... А что такое?

– Елена не удовлетворена медицинским заключением о причинах смерти. Впрочем, судебные медики сделали все, что могли, учитывая состояние трупа.

– Значит, тетя Ляля считает, что медики не смогли установить истинные причины смерти – а частный детектив сможет?!

– Иннокентий, прения по этому вопросу считаю закрытыми. Вы имеете право не отвечать на мои вопросы, но тогда я стану подозревать, что вы в чем-то виноваты. Выбирайте.

У Кеши за очками заметались в испуге глаза. Алексей не удивился. В худобе, тщедушности, в мелких чертах лица этого парня таилась генетическая трусость. Та трусость, с которой рождается слабая особь и всю последующую жизнь занимается самоохранением: усиленно следит за здоровьем, питается непременно как-то особенно, становится адептом какой-нибудь хитрой гимнастики, не затрачивает свою душу на сильные эмоции (кроме тех, что связаны с ним самим, разумеется). Его трусливой нервной системе необходимо покровительство сильного, под сенью которого он чувствует себя в безопасности, – и потому такая особь легко становится

услужливой и лстивой. Именно так, по описанию Ляли, вел себя племянник с дядюшкой.

– Ну? – грозно рыкнул Кис.

– Ну-у... Я пришел... Дядя предложил в шахматы поиграть и вместе поужинать...

– Дядя вас сам пригласил или вы проявили инициативу?

– Я ему позвонил... – Глаза Кеши снова испуганно заматались: он судорожно пытался определить, откуда исходит опасность. – Позвонил, а он говорит: приходи! Дядя не любил ужинать один...

Кеша не врал. Такой ответ был для него невыгоден. Если Кеша причастен к подмене инсулина, то он должен был сам проявить инициативу и напроситься к дяде в гости. А он как раз и напросился, даже если не прямо: знал, что дядя позовет к себе. И только что признался в этом. Стало быть, Кеша либо не виноват, либо не сообразил вовремя, что надо соврать.

– Дальше!

...Дальше они играли в шахматы; выиграл, как почти всегда, Кеша. Потом ужинали. У дяди было все готово, ему принесли еду из ресторана, Кеша только помог накрыть на стол.

– За ужином дядя о моем будущем философствовал – не нравится ему моя профессия историка, он ее бесперспективной считает... – хмыкнул Кеша с иронией интеллектуала, чувствующего свое превосходство над «простым бизнесменом».

Интересно, хмыкал ли он так же в дядином присутствии?

...Потом они сели смотреть футбол. Но матч был скучный, и дядя задремал в кресле. Кеша от нечего делать убрал со стола, вынес мусор и вымыл посуду, но тут дядя проснулся и сказал, что спать в кровати куда лучше. Велел Кеше принести ему шприц, а сам пошел умываться. Кеша, уже хорошо знакомый с обиходом диабетика, поменял картридж – прежний кончился – и принес дяде шприц-ручку. Вот и все.

– Из какой коробки вы взяли картридж?

Кеша удивился:

– Из той, где «длинный» инсулин... Я же знаю, что он колет себе на ночь!

– Расскажите о том, как нашли дядю, – сменил тему Кис.

Кеша совсем растерялся. Может, оттого, что не понимал, к чему все эти расспросы, – а может, как раз оттого, что прекрасно понимал. Но на этот раз он ничего не спросил и принялся неохотно рассказывать.

...Афанасий Павлович собирался в отпуск. Уезжать он должен был через день. Кеша с ним с того последнего ужина больше не созванивался. Спустя неделю он пришел к нему в квартиру – дядя сам просил: цветы полить, их немного, три кактуса, но все же; да глянуть, все ли в порядке. Мало ли, вдруг труба где потекла, бывает же такое.

Когда отпер замки, почувствовал неприятный запах. Он в тот момент подумал, что дядя перед отъездом мусор забыл выбросить, и пошел напрямик на кухню. Но мусорное ведро оказалось чистым. Тогда Кеша пошел в комнаты... Дальше

все немного в тумане, так как шок был сильнейший: тело на полу, головой к кровати, и такое тело уже... Серо-синее... И оно пахло... В общем, Кеша бросился вон из квартиры на улицу. А когда отдышался немного и пришел в себя, то позвонил в «03». Позвонил сдуру – врачи дяде уже ни к чему, – но в тот момент Кеша не сообразил.

В «03» толком ничего не поняли – у Кеши зуб на зуб не попадал, вразумительно объяснить не сумел, – но приехали. Кеша пустил их в квартиру, а сам ждал на лестничной площадке, сгибаясь от болезненных схваток в животе... Помнит, что они его расспрашивали о дядиных болезнях, Кеша ответил о диабете... Потом они уехали, а ему велели ждать милицию. Милиция явилась в лице одного милиционера, вроде бы участкового, который принялся выпрашивать у Кеши, была ли квартира заперта на все замки, ничего ли не пропало... Потом участковый потоптался в комнатах, в которых царил идеальный порядок, и сел писать протокол. Затем приехала машина, тело вынесли...

– Послушайте... эээ... Как вас звать? – Кеша вдруг приосанился и взял тот тон иронического превосходства, который уже однажды мелькнул в его рассказе о дяде. – Ага, Алексей Андреевич... Так вот, Алексей Андреич, это, собственно, все! Больше мне нечего добавить!

– Нет, не все. Вы что-нибудь наследуете после дяди?

Кеша насупился:

– Не знаю.

– Что, Карачаев завещания не оставил?

– Я послал запрос в нотариальную палату. Ответа пока не получил.

– А дома искали?

Глаза Кеши снова испуганно заметались за очками.

– Иннокентий, искать завещание покойного – это не криминал. А вот пытаться подделать его...

Алексей шарил вслепую, наудачу. Вдруг попадет?

– Как же! – вдруг зло произнес Кеша. – Дядя все жить собирался, следил за собой – спорт, питание, то, се! Нету завещания! Я все облазил! И не удивлюсь, если у нотариусов ничего не найдут!

Стало быть, по закону наследует дочь, подумал Кис. И у Кеши, следовательно, мотива нет. Хотя...

– А на словах дядя никогда не давал понять, что отпишет вам какое-то имущество?

– Не припомню такого, – буркнул Кеша.

– Боюсь, Иннокентий, что вам придется срочно восстановить память. Вашего дядю убили.

Кешины глаза снова заскакали за очками, затем вдруг остановились и напряженно уставились на детектива. Они повлажнили и покраснели, но Алексей прекрасно знал, что слезы могут выступить и у убийцы в тот момент, когда он понимает, что разоблачен.

– Откуда вы знаете?!

– В лаборатории по моей просьбе выяснили, что инсулин

был подменен в том картридже, который вы самолично подали дяде.

– Я ему не подавал! Дядя его сам взял, я вспомнил! – попытался было дать задний ход Кеша.

– Вы пять минут назад сказали...

– Я перепутал! Я не...

– И на картридже, и на шприце ваши отпечатки.

Племянник Карачаева совсем сник.

– Поскольку вскрылось убийство, я буду обязан передать все полученные мною сведения следственным органам. Так что готовьтесь к встрече со следователем, Иннокентий...

Едва закрылась за детективом дверь, как Иннокентий бросился к телефону.

– Катастрофа! – проговорил он нервно в трубку. – Оказывается, Ляля наняла частного детектива! И он установил, что дядю убили! И на шприце, конечно же, мои отпечатки!

Некоторое время он слушал, что отвечал ему успокаивающий голос в трубке, затем отодвинул ее от уха и потряс, словно хотел высыпать из нее этот голос, говоривший лишнее, ненужное, пустое. Потом снова прижал к уху и произнес:

– Ты ничего не понимаешь. Это конец.

И нажал на кнопку отбоя.

Глава 4

Алексей полагал, что коль скоро он выполнил просьбу Елены и установил причины смерти Карачаева, то и миссия его окончена. И, по правде говоря, с удовольствием расстался бы с этим мутным делом.

Но вышло иначе. Ляля пришла к нему вся в черном, словно именно теперь решила справить траур по «дорогому человеку». Да и сама будто почернела, и лицо ее застыло в жестком выражении какой-то решимости.

Забыв поздороваться, она с порога заявила, что желает знать, кто убил Афанасия. Посему просит Алексея Кисанова продолжить расследование.

– Но ведь милиция и прокуратура будут искать... – попытался открутиться Кис.

– Вы сами-то верите в то, что говорите?! Они вцепятся в Кешу, которого вы им собственноручно подарили как идеального кандидата на роль убийцы, вместе с его отпечатками! Меня это может устроить только в том случае, если Кеша *действительно* убил Афанасия. Если вы мне сейчас скажете, что уверены, что это он, то я согласна оставить вас в покое!

– Нет. Теоретически нельзя исключить заводской брак. В этом случае милиция окажется намного эффективнее, так как у меня нет реальной возможности проверять изготовителя.

– Это крайне маловероятно, – произнесла Ляля. – Инсулин выпускают крупные зарубежные фирмы. Подобный брак стал бы для них полным крахом. Поэтому у них контроль за качеством и соответствием нормам крайне жесткий, на него денег не жалеют.

– Кроме того, – кивнул Кис, соглашаясь, – инсулин в картридже мог быть подменен и раньше. И убийцей может оказаться некий другой человек.

– Вот вы мне его и найдите! – жестко произнесла Ляля, поднимаясь с кресла для посетителей. Ее черные зрачки смотрели на детектива пистолетными дулами.

Алексей проводил ее до дверей. Черный цвет ей так же не шел, как и бирюзовый, и в этом была какая-то загадка. Но Ляля ему была симпатична. Несмотря на всю ее «лошадиность», на решительно не идущие ей цвета, на ее внешнюю скупость в эмоциях, что-то в ней было... В ней угадывался мощный глубинный темперамент – и даже если к ней не прикладывалось слово «женственная», она была женщиной, умеющей страстно любить и страстно заниматься любовью. И, может быть, мстить?..

– Елена! – окликнул он ее уже в дверях.

Она обернулась, скинула на него глаза, и детектив снова увидел два черных дула ее зрачков.

– Надеюсь, вы будете благоразумны...

Она еще секунду смотрела на Алексея, затем молча прикрыла за собой дверь, так и не спросив, что он имеет в виду.

Стало быть, поняла...

Кис еще некоторое время думал об этой женщине, оставившей у него легкий холодок в груди – холодок тревоги и одновременно восхищения. Он хорошо представлял, что именно привлекло в ней Карачаева. Любопытно было бы узнать, почему они расстались...

Впрочем, это не его дело. Ему убийцу Карачаева надо искать и в первую очередь разобраться с Кешей. Он не обманул парня, сказав, чтобы тот ждал встречи со следователем. Сообщив об убийстве в следственные органы, Алексей, естественно, передал им и шприц-ручку, и подмененный картридж, и даже стаканы из-под виски. На стаканах были чьи-то третьи отпечатки, и этим тоже необходимо заняться. Потому как Кеша тянул на идеального подозреваемого, и вряд ли с ним станут долго чикаться и искать иную кандидатуру.

Загвоздка же была в том, что Кис и в самом деле не знал – верить Кеше или не верить?

Алексей поставил себя на место Иннокентия: если дядя попросил его принести новый картридж (старый кончился), заправить в шприц-ручку... У племянника, как и у Ляли, за годы общения с диабетиком появились навыки обращения с лекарствами и шприцами. И пошел Кеша за новым картриджем, взял его из коробки, вставил в шприц, подал дяде, ничего не подозревая, – и ушел... В точности как он рассказывает...

Могло такое быть? Могло!

А мог ли Кеша врать? Мог!

Кем бы ни оказался убийца, для него Алексей отвел весьма точно очерченную нишу: во-первых, этот человек хорошо знаком со сложностями жизни диабетика, а во-вторых, вхож в квартиру Карачаева.

Елену детектив уверенно исключил из подозреваемых, и не только потому, что он ей симпатизировал. И даже не потому, что у нее уже три года как нет доступа в квартиру Карачаева, – в конце концов, Ляля могла умолчать о некоторых подробностях своих отношений и встреч с Карачаевым. Куда важнее то, что она пришла нанимать его, частного сыщика. Нужно быть полной идиоткой, чтобы, будучи убийцей, запрячь в дело частного детектива. Особенно если учесть, что никакого следствия по делу о смерти Карачаева не было начато. Но Ляля идиоткой не была.

Пока что на роль убийцы идеально подходил Кеша: он отвечал обоим условиям.

Кроме него, этим условиям отвечала дочь Карачаева. Она тоже должна быть в курсе тонкостей жизни диабетика, и она имела массу реальных возможностей для подмены. Правда, к моменту смерти Карачаева она находилась уже дней десять в отпуске на каких-то островах.

С другой стороны, подмена инсулина в картридже могла произойти как в вечер убийства, так и загодя. В самом деле, ведь подмененный картридж мог лежать в коробке уже неко-

торое время, дожидаясь своей очереди... Алексей уже знал, что картриджа с «длинным» инсулином хватает на неделю, плюс-минус. В упаковке пять картриджей. Кеша говорит, что распаковал второй. И он оказался подмененным. Кто-то высосал из него «длинный» инсулин и влил в него «короткий». И это вполне могла сделать и дочь Карачаева перед отъездом.

Поначалу такая идея кажется бредом: она ведь первая подозреваемая! У нее и наследство в качестве мотива, и возможность подмены.

С другой стороны, преступник мог предвидеть именно тот расклад событий, который и случился: что Карачаев дойдет до подмененного картриджа прямо перед своим отпуском и никто не забеспокоится, считая, что он уехал... А когда найдут его труп, то медэкспертиза ничего не обнаружит.

Так что и дочь могла, вполне могла!..

Нельзя, однако, забывать, что люди убивают не только ради наследства. В бизнесе, к примеру, водится множество разных счетов и обид, нередко смертельных. Были ли компаньоны Карачаева вхожи в его дом? Достаточно ли знали об инсулине и его применении, чтобы произвести подмену?

Далее, с Лялей Карачаев расстался три года назад. А как там насчет новой любовницы? Если судить по фотографиям, Карачаев принадлежал к тому типу мужчин, которым не требовался длинный список разбитых сердец, чтобы увериться в своем мужском достоинстве. Что отнюдь не исключает

ло возможность новой любовной связи или интрижки, породившей мстительницу на почве ревности...

Потенциальные мотивы для убийства ветвились, как молекулы в органической химии. «Дело – раз плюнуть», – по-радовался Кис. Стоит всего лишь проверить всех коллег и партнеров по бизнесу, всех женщин, состоявших в любовной связи с Карачаевым, найти его дочь и расколоть ее на чистосердечное признание (поскольку, если что, доказательств ее причастности нет и не будет – отпечатки-то Кешины, хотя настоящий убийца мог работать в перчатках). Глядишь, не пройдет и года, как он разведет руками и признается Ляле в своей несостоятельности.

...Сияние августовского дня уже угасало в мягких розовых тенях приближающегося вечера, и Алексей, сверившись с часами, решил, что наступило время для личной жизни. На сегодня был намечен ужин в ресторане – дивный вечер вдвоем с Александрой, редкая роскошь по причине постоянной нехватки времени.

Ему хотелось рассказать ей о Ваньке, о его новой подружке и о том, что скоро парень заживет самостоятельно да съедет... И о том, что при этой мысли у него появляется внутри какое-то пустое, обескровленное место, и оно почему-то саднит... И еще о детях, которых у них нет, – ни вместе нет, ни по отдельности; и о том, что это, может быть, и неправильно; и о том, что надо все-таки решить жилищный вопрос

и съехаться, чтобы жить вместе...

Но он ничего этого не сказал. Они погуляли по Нескучному саду, потом уселись на террасе одного из ресторанов, где любовались густеющим вечером, ели что-то страшно вкусное и болтали о разных пустяках. Это был *отдых*, настоящий отдых для души, и Алексей не захотел разрушать его магию. В конце концов, Ванька пока не закончил аспирантуру и пока не собирается жениться. Чего волну гнать?

Глава 5

С утречка, перебрав ворох вчерашних размышлений, детектив свел их к трем пунктам, по которым ему требовалась дополнительная информация: потенциальная любовница Карачаева, его партнеры и его дочь. Поскольку от избытка источников информации детектив явно не страдал, ему пришлось снова позвонить Елене.

– Если таковая и была после меня, – ответила Ляля, – то мне об этом неизвестно. Но уверена в одном: Афанасий мог завести интрижку только тайком от дочери. Она сделала все, чтобы развести нас с Афанасием, и новой женщины бы не потерпела.

– А вы, конечно, от перехода на тайные встречи с человеком, с которым жили семьей, отказались...

– Разумеется.

– Елена, я пытаюсь очертить круг лиц, отвечающих двум условиям: знающих о тонкостях диабета и имевших доступ в квартиру Афанасия. Что скажете о его коллегах?

– Коллеги, точнее, компаньоны, в мои времена были вхожи в дом запросто, иногда и без звонка. Особенно двое. По моей памяти, они о наличии диабета у Афанасия знали, но вряд ли в подробностях. В подробностях разбиралась как раз его секретарша – ведь Афанасий был вынужден делать себе уколы и на работе. Но зато она в дом вхожа не была.

Весело. У каждого по кусочку возможностей. Впрочем, если компаньоны Карачаева и не разбирались в подробностях, то могли легко восполнить недостачу знаний. Интернет, знакомые врачи – сумел же детектив просветиться за каких-то пару-тройку дней!

– Вернемся к Кеше. Мог ли он, с вашей точки зрения, надеяться на дядино наследство?

– Раньше мог, – ответила Ляля. – И даже надеялся, причем очень сильно. Я почти физически чувствовала, как Кеша боялся, чтобы Афанасий на мне не женился. Ведь в этом случае я бы стала законной наследницей.

– А завещание?

– Афанасий суеверно относился к этому. Ему казалось, что если он напишет завещание, то словно смирится с идеей смерти. А он смиряться не хотел... Я давно заметила, что люди с серьезной хронической болезнью – неважно какой – намного острее воспринимают жизнь, чем здоровые. Последние живут без оглядки на смерть, зато «хроники» постоянно, ежедневно уворачиваются от ее зазывно распахнутых объятий. И потому никогда не забывают, что жизнь – это эксклюзивный дар Случая, благодаря которому каждый из нас появился на свет. Даже если поверить в реинкарнацию, в последующие рождения, все равно вы в следующий раз воплотитесь в иной оболочке... Поэтому каждое существование уникально: оно «здесь и сейчас». Другого такого не будет. В силу этого мироощущения Афанасий был человеком жад-

ным до жизни – и потому так и берег свое здоровье, не ленился делать все необходимое, чтобы находиться в отличной форме.

– Понимаю... Из этого следует, что завещание он, скорее всего, не написал?

– Скорее всего, нет.

– Ладно. А почему вы сказали, что Кеша «раньше мог» надеяться? Теперь не может?

– Потому что у Афанасия появилась дочь.

– В каком смысле «появилась»? Родилась? Но вы как-то упомянули, что она переехала жить к отцу...

– Давайте встретимся, Алексей. На Пушкинской, в пять, – вас устроит?

Кису показалось, что шпоры на семимильных сапогах тихо зазвенели. Он прилетел на встречу на пятнадцать минут раньше срока, но и обязательная Ляля пришла на пять минут раньше. Сегодня она была в зеленом, и зеленый цвет ей тоже почему-то не шел.

Они нашли кафе, где галантный Кис заказал для нее капучино и пирожное, себе эспрессо и принялся слушать, ловя каждое слово.

...Яна – ее зовут Яна – появилась в жизни Афанасия неожиданно. До этого была другая дочь, которую звали Ася, – разводясь с женой, Афанасий оставил пятилетнюю девочку у себя. «Что ты можешь дать ей? – говорил он жене,

которая возвращалась в свою родную Вятку. – Оставь ребенка мне – я ее выращу, не беспокойся. Девочке будет лучше в Москве!»

Ему тогда было всего двадцать пять, но он уже чувствовал, что многого добьется в жизни. Афанасий был очень честолюбив, напорист, легко заводил знакомства, умел нравиться и вызывать доверие. И в свои двадцать пять – недавно из института – он уже стал комсомольским вожаком крупного завода.

Ляля, которая познакомилась с Афанасием много лет спустя, долго не могла понять, почему он, тогда совсем пацан, решил оставить девочку у себя. Да, он ее любил – но как любят молодые отцы? Так, поиграть, повозюкаться полчаса и забыть... А косички утром заплести, а из садика вовремя забрать (когда твоя компашка зовет попить пивка!), а ужин приготовить, в ванночке искупать, спать уложить?! Ляля не знала ни одного мужчины, тем более столь молодого, способного заменить ребенку мать, причем добровольно.

И лишь со временем она поняла, что для честолюбивого Афанасия ореол отца-одиночки, заботливого и любящего, был великолепным имиджем. Он умилял поголовно всех женщин и вызывал глухое, смешанное с недоумением и сочувствием, но все же уважение мужчин. Это был знак его высокой порядочности, это была его визитная карточка. А Карачаев смолоду умел создавать себе репутацию.

Разумеется, жене он этого не объяснял. Он этого никому

не объяснял – Ляля сама догадалась, узнав его поближе.

Жена согласилась с его аргументами в пользу будущего девочки. Кажется, такая ситуация ее даже удовлетворила: без ребенка на руках ей было легче устроить свою жизнь. Она вернулась в Вятку и практически исчезла из жизни Афанасия. О ее существовании напоминали только денежные переводы, которые он, несмотря на то что ребенок остался с ним, регулярно отсылал бывшей жене. Дочка же ездила иногда к маме на каникулы, и от нее Афанасий знал, что мама снова вышла замуж и родила еще одну девочку... Но особой охоты повидать маму Ася почему-то не выказывала. Афанасий не задавался вопросом, почему именно: его это устраивало.

Асю он баловал безмерно. Девочка росла красавицей, он ею гордился, часто брал ее с собой куда только мог: они прекрасно смотрелись рядом, молодой статный папа и прелестная кудрявая девчушка с художественно завязанным бантиком. Все были уверены, что их бросила мать-ехидна и Афанасий мужественно несет отцовский крест, – и эта роль эффектно оттеняла его врожденное обаяние и умелое обхождение.

«Однако, помимо честолюбия и расчета, в его душе водились настоящие чувства, искренние привязанности», – с неожиданной горячностью добавила Ляля. И Афанасий действительно сильно привязался к дочурке. Он устраивал ее в лучшие школы, обучал языкам, водил в кружки, проверял

уроки и ходил на родительские собрания. Ася выросла, превратилась в настоящую красотку – вы ведь видели на фотографии, верно? – и нежный папа «поступил» ее в МГИМО, как только она закончила школу. Событие отпраздновали, и он подарил дочери роскошную машину, маленькую «бээм-вэшку».

На которой Ася разбилась насмерть три месяца спустя. Фотография, стоящая на полке в гостиной, запечатлела ее с отцом незадолго до смерти...

Ляля с Афанасием уже встречались к тому времени года два, но их отношения сцементировала именно гибель Аси. Спустя несколько месяцев он предложил Ляле жить вместе.

Афанасий был жалок. Спасался только работой. Немного-словная, деятельная и темпераментная, Ляля стала его доброй феей. Она взяла на себя командование его холостяцким бытом, который после трагической гибели дочери пришел в полное запустение. Будучи медиком, она навела и порядок в его образе жизни, питании, занятиях спортом. Афанасий полностью отдался на ее попечение.

И так протекло несколько счастливых для Ляли лет. Афанасий давно оставил завод, где был директором, уже успел побывать и в заместителях министра, затем подался в частное предпринимательство, – у него все получалось, ему все удавалось: и карьера, и бизнес. И все шло чудесно – до тех пор, пока он не поехал в Вятку. Это была обычная запланированная командировка, но после гибели дочери он стал

сентиментальнее – и извещил о приезде бывшую жену...

Он захотел посидеть с ней и помянуть Асю. Их *общую* дочь, – подчеркнул он Ляле, когда та, снедаемая непонятной тревогой, попыталась отговорить его от визита к бывшей жене.

«Асю это тебе не вернет, только душу разбередишь», – говорила Ляля.

«Единственный человек в мире, который способен по-настоящему понять меня, – это мать Аси, – отвечал Карачаев. – Не волнуйся, мы просто посидим с Любой, помянем доченьку...»

Ляля тогда испугалась, что Афанасий вернется к жене. Но она ошиблась. Вышло все иначе.

...Дверь квартиры бывшей жены ему открыла девушка, при виде которой у Афанасия Карачаева сдавило в груди.

«Ася-а-а...» – простонал он, хватаясь за дверную притолоку.

Девушка испуганно отпрянула назад, из комнаты выскочила Люба, бывшая жена, и, ухватив Афанасия за руки, подвела его к стулу. «Иди, иди сюда, садись, я тебе сейчас все объясню...»

Оказалось, что жена при разводе и сама не знала, что беременна от мужа, а когда поняла, то ничего не сказала Афанасию. У нее уже находился новый поклонник, и она предпочла убедить его в отцовстве.

И то – деньги Афанасий посылал щедро и исправно. Большого она не могла бы получить даже через суд. Так что сообщив она Афанасию об отцовстве – ничего бы не выгадала. Поэтому, выйдя вторично замуж, она продолжала хранить свою тайну, и Ася, навещавшая иногда мать, полагала Яну младшей сестрой, рожденной от другого отца...

После поездки в Вятку Афанасий пребывал в таком шоке, что Ляля его еще два месяца отхаживала. А на третий он снова поехал в Вятку и принялся торговаться с бывшей супругой. Старые аргументы, приправленные новыми возможностями: «Ей будет намного лучше в Москве... Я ее обеспечу... Престижное образование... Молодые люди из хороших семей...»

Бывшая жена категорически возражала. Намекала, что он виноват в смерти Аси: если бы так не баловал, если бы не подарил машину...

Но Афанасий просто заболел дочерью. Ее появление в его жизни ему казалось Провидением, Божьим знаком: Яна ему послана, чтобы искупить вину перед погибшей Асей... Он звонил чуть ли не каждый день в Вятку и умолял жену. Просил позвать к телефону Яну, просил отправить ее к нему хотя бы на недельку – это же ЕГО ДОЧКА!

Тщетно. Бывшая жена была непреклонна. Она обзавелась определителем номера и перестала брать трубку, когда звонил Афанасий.

– И тут, Алексей, я сделала роковую ошибку, – сказала Ляля. – Мне просто было невыносимо больно смотреть на Афанасия... Хотя и чуяла, что мое доброе дело к добру не приведет... Но я любила его! И потому помогла. – Она грустно усмехнулась. – Мужчины, видите ли, даже самые умные, отличаются редкой тупостью, когда имеют дело с хитрыми женщинами. Я взялась объяснить Афанасию, что...

...Ляля быстро ухватила суть. Люба, бывшая жена, уже пребывала во втором разводе. Второй муж платил ей алименты на Яну, но, конечно же, не так, как щедрый Карачаев. Яне уже было семнадцать, оставался еще год до совершеннолетия, и если бы Люба отпустила дочь на содержание к настоящему отцу, то второй муж имел бы право просить суд пересмотреть вопрос об алиментах. А Люба их терять не желала.

– Намекни ей, что прибавишь денег. И вопрос с Яной решится, гарантирую, – подсказала Афанасию Ляля.

Карачаев ее послушал и пообещал жене прибавку к пансиону. Люба, однако ж, возмутилась и заявила, что дочерью не торгует.

– Не расстраивайся, – утешила его Ляля. – Она просто кочевряжится. Неприлично сразу согласиться. Наберись немножко терпения...

И впрямь – о чудо! – через пару месяцев жена позвонила сама и усталым голосом сообщила, что не имеет права

лишать дочь такого шанса, который готов предоставить ей отец... И что Яна тоже думает, что в Москве она сможет лучше реализовать свои таланты... Что она мечтает учиться в архитектурном институте, и делать это надо, разумеется, в столице, да и в плане будущих женихов Москва, конечно, интереснее....

В общем, бывшая жена согласилась на переезд Яны к отцу под его клятву, что он ей никогда, НИКОГДА не купит машину.

И вскоре Яна поселилась в папиной московской квартире. Как и предчувствовала Ляля, она не ужилась со вновь приобретенным дитяtkом. С точки зрения Ляли, девица была типичной провинциалкой-рвачкой. А с точки зрения Яны, Ляля была лишней в их доме.

Афанасий из двух женщин выбрал дочечку. Яна была для него чудом реинкарнации – Яна сконцентрировала в себе его любовь к погибшей Асе и его новую любовь к самой Яне... В ней действительно не осталось места для Ляли.

Через несколько недель Ляля это поняла и тихо ушла. Афанасий принял ее жертву молча. Не звал назад, не благодарил за понимание...

– Поэтому нам было так легко остаться в дружеских отношениях и изредка перезваниваться: ведь мы даже не поссорились... – тихо добавила Ляля, глядя в стол.

– Могла ли она, на ваш взгляд, подменить инсулин? Вы

все-таки немножко пожили вместе с Яной... Могла?

Ляля подняла голову и посмотрела детективу в глаза.

– Могла. Она ведь наследует после отца. А характером, видимо, в мать пошла: провинциалка и рвачка.

Алексей имел представление о снобизме москвичек по отношению к провинциалкам. Поэтому счел нужным уточнить:

– Рвачка? В чем это проявлялось, если не секрет?

– Во всем!

– А точнее?

– Да сами посудите: какие у нее могли быть чувства к недавно обретенному отцу? Откуда? Чужой дядька, вот и все! И если она переехала к нему – то понятно, ради чего...

Что ж, логика в словах Ляли имелась. Ошибочная или нет, но Кис взял ее на заметку.

– Удивительно, как легко рассказывать обо всем этом вам... – Глаза Ляли вдруг потеплели. – Обычно я совсем неразговорчива.

Алексей смущенно улыбнулся. Ему частенько говорили об этом клиенты, особенно женщины, но он никогда не знал, как реагировать на подобные признания.

Ляля коснулась его руки.

– Не напрягайтесь, ответа не требуется. У вас ведь наверняка есть еще вопросы, верно?

– Верно... – Кис оценил Лялину помощь. – Карачаев Яну удочерил?

– Уж надо думать. Пылинки сдувал с дочечки.

– Объясните мне, как так вышло, что Яну не нашли, чтобы сообщить ей о смерти отца?

– Она уехала отдыхать куда-то на острова с компанией друзей. Это все, что я знаю. Кеша пытался связаться с ней по мобильному, но ее телефон, должно быть, не ловит в этих диких местах... Вам лучше его самого расспросить.

Это вполне соответствовало намерениям детектива – особенно если учесть, что другие источники информации для него пока не обнаружились.

Глава 6

Иннокентий догуливал на свободе последние дни, если не часы. Все зависело от того, насколько быстро официальная экспертиза подтвердит информацию частного детектива об отпечатках. Но криминальные лаборатории, как всегда, перегружены, всем требуется «срочно!», а в результате из вещдоков, проходящих по разным делам, выстраивается длинная очередь на несколько дней, а то и недель. Алексею это было на руку – вернее, Кеша пока был под рукой.

Под рукой-то под рукой, да не совсем. Иннокентий быстро захлопнул дверь, как только увидел в щель детектива.

– Не валяйте дурака! – произнес Алексей. – В ваших интересах...

– В моих интересах?! – закричал из-за двери Кеша. – Я вам что-нибудь скажу, а вы опять против меня используете! Милиции передадите! Нет уж, уходите! Я не обязан с вами разговаривать, уходите!

– Хорошо, – миролюбиво согласился Алексей. – Но имейте в виду, что у меня с милицией разные методы работы. Их вполне устроят ваши пальчики на шприце и на картридже, и время терять на поиск иных кандидатур, кроме вашей, они не станут. Я же рассматриваю все возможные варианты, отсеиваю их до полной ясности. И пришел я к вам, Иннокентий, с целью узнать как можно подробнее об окружении Ка-

рачаева. Если вы хотите использовать шанс и повернуть мой сыщицкий интерес в другую сторону, то вам имеет смысл быть со мной любезнее!

Дверь открылась, и недовольный Кеша пропустил детектива в квартиру.

...Любовница у Афанасия Карачаева была. Во всяком случае, Кеша так полагал. Он пару раз случайно заставал у дяди дома женщину и по каким-то неуловимым признакам решил, что это его новая любовница. Но она долго не задержалась. В последний год Кеша ее ни разу не видел.

– Уж на что у тети Ляли характер сильный, а и то Янка их с дочкой выжила. А эта была так, слабачка.

– С какой дочкой? Я что-то потерял нить...

– Да с тети-Лялиной дочкой, с Мариной!

– У Елены есть дочка?

– Ну да, Марина. Она жила с ними некоторое время вместе, с дядей и с тетей Лялей. А потом сняла квартиру пополам с какой-то подружкой, когда уже студенткой стала. Но приходила к ним часто, как у себя дома была.

– Простите, я вас правильно понял? У Елены есть дочь Марина, и она жила вместе с матерью в квартире Карачаева некоторое время? А потом стала жить отдельно, но хаживала к маме и к Карачаеву, как к себе домой?

– Так точно. И Яна их обеих выжила.

– Выжила? Что вы имеете в виду?

Кеша подумал и, поправив очки, ответил:

– Она, конечно, специально не выживала, но Яна имеет паразитическое свойство захватывать все пространство вокруг себя. Другим просто не остается места в зоне ее экспансии.

Кеша вежливо-снисходительно улыбнулся, словно заранее извиняя собеседнику неспособность понять его мудреную фразу.

Алексей тоже вежливо улыбнулся:

– Иными словами, Яна выжила и вас?

– Ну почему... Мы с ней дружим...

«Дружим». Конечно, Кеша с ней «дружил»: поссориться с Яной означало потерять доступ к дяде. А дядя, помимо весомых материальных благ, представлял для Кеши единственного родного человека. К тому же такие слабаки, как Иннокентий, всегда непроизвольно тянутся к уверенным в себе, сильным и властным натурам, каковой являлся Карачаев. И Кеша наверняка Яну недолюбливал уже хотя бы потому, что она встала между ним и дядей. С ее появлением Кеше стало доставаться меньше и родственного тепла, и финансовой поддержки...

– Ждал ли дядя кого-то в тот вечер?

– Насколько я знаю, нет.

– А кто мог прийти к нему экспромтом? Или позвонить в такое позднее время и напроситься?

– Я у дяди допоздна обычно не задерживался. Вам лучше

у Яны спросить.

– Хорошо. На какие острова она уехала? И где должен был с ней встретиться ваш дядя?

– На Московские.

– Московские?! – брови Алексея поползли вверх.

– На Московском море, – усмехнулся Кеша, беря реванш возможностью превзойти своей осведомленностью детектива.

– Московское море... Московское море... – бесплодно тужил память Кис. – А в Москве есть море?!

– Под Москвой, – любезно откликнулся Иннокентий. – Водохранилище в верховьях Волги. Затопленные территории: когда строили плотину, то затопили целые деревни. А из холмов образовались острова. Любители дикого отдыха там летом разбивают палаточные городки.

– И туда поехала Яна?

– Именно. С компанией друзей. А дядя собирался ее от туда забрать, после чего они должны были лететь на острова. На этот раз на экзотические, на Мальдивы.

– Стало быть, они должны были вернуться в Москву – на Московском море аэропорта нет, как я понимаю. Скорее всего, сначала домой, может, на день-другой: после дикого отпуска набирается чемодан грязных вещей, и их нужно постирать перед отъездом, приготовить для нового вояжа...

– Ну что вы, у Яны достаточно вещей, чтобы оставить грязные дома и улететь на курорт с новым чемоданом!

«Ага, – сказал себе Кис, – надо глянуть, не стоит ли где готовый чемодан».

– А подробно я их планы не знал, – добавил Кеша. – Я же племянник, а не сын...

В его голосе прозвучала скрытая горечь и упрек: то ли судьбе, то ли Карачаеву за то, что Кеша имел его не отцом, а всего лишь дядей...

– Но почему же Яна не появилась, увидев, что отец за ней не приехал?

– Откуда мне знать? Я пытался дозвониться ей по мобильному, но он не отвечает.

– Это нормально. Вряд ли на островах есть электричество, чтобы подзарядить сотовый.

– Верно, – удивился Кеша. – А я не подумал...

Яна не появилась, потому что знала, что ее отец должен был погибнуть от подмененной ампулы? Но это довольно неосторожно с ее стороны. Для такого хитроумного убийства было бы слишком большой глупостью остаться на островах в компашке друзей и не побеспокоиться о «пропавшем» отце. По хитрой логике убийцы, она должна была примчаться домой в панике: где папа? Почему за мной не приехал? И потом рыдать и рвать на себе волосы от горя – разумеется, вымышленного.

Однако она этого не сделала. Почему? Неужто так глупа? Так неосторожна? Или, напротив, совесть ее совершенно чиста, к убийству Карачаева она не имеет ни малейшего от-

ношения, а на островах застряла по девическому легкомыслию... А то и романчик с кем завела – какой уж тут папа, тут любая родня побоку...

– Где Карачаев должен был подобрать Яну?

– Не в курсе.

– Вы на этих островах бывали? Имеете о них представление? Как туда добираться, на чем?

– Дядя Яну отвозил на машине по Ленинградке, до какой-то деревни, название не помню. А дальше катером. Но если электричкой, то выходить нужно на станции Завидово. А дальше снова катером. Либо своим, либо внаем. Там местные извозом подрабатывают.

– А ее друзья? Вы кого-нибудь из них знаете?

– Нет. Видел как-то у них дома, но едва знаком. Так, только представились, и я тут же ушел.

– Почему?

– У меня свои дела, знаете ли.

Понятно. Не Кешина компания. Друзья Яны отчего-то воображались детективу плечисто-мускулистыми, нахально-самоуверенными, дорого упакованными, и интеллектуальное превосходство Иннокентия, его единственный козырь, был им глубоко по барабану, как нынче говорят...

– С соседями Афанасий Павлович дружил, не знаете? Может, и Яна с кем-то в доме?

– Понятия не имею.

М-да... Охотников облегчить задачу детективу что-то не

наблюдалось. И в институт не наведаясь: каникулы.

Алексей взял на всякий случай номер мобильного Яны и расстался с Кешей.

Итак, наметилось несколько ходов для проработки: потенциальная любовница, Лялина дочка, компаньоны и Яна.

Чуток поразмыслив, детектив решил, что любовница находится вне зоны его интереса: по словам Кеши, она уже год как в отставке, а ему нужен человек, входящий в дом на день смерти Карачаева. Впрочем, совсем забывать о ней не будем – ведь Кешины сведения могут оказаться неточными...

Далее. Дочь Елены, Марина, могла иметь мотив. Например, она надеялась на свадьбу мамы с Карачаевым и на определенные блага с его стороны... Но Яна поломала ей все надежды, а Карачаев оказался неверным изменником и предателем в ее глазах. Ладно, допустим. Но ждать три года возможности отомстить? И потом, по женской логике, Марина отомстила бы скорее Яне, чем Карачаеву. Яне, которая выжила ее маму из теплой квартиры Афанасия... Ну и прибавим сюда Маринину «невхожесть» в дом в последние годы...

Кис не видел особых перспектив во встрече с дочерью Ляли. Куда как интереснее было бы покопать вокруг Яны и компаньонов.

Отпечатки на стаканах виски оставлены наверняка именно ими. Нет сомнений: Карачаев погиб от укола из того кар-

триджа, что ему подал Кеша, – из чего, однако, прямо не следует, что именно Кеша и произвел подмену. И даже не следует, что в этом картридже инсулин *уже* был подменен до него. Можно предположить и такое: что поздний гость произвел подмену инсулина прямо в шприце, готовом для укола. Пошел Карачаев в ванную или туалет, а в это время его гости и подсутились... И своих впечатков не оставили – грамотный убийца работает в перчатках...

Подобный вариант казался почти невероятным. Для него потребовалась бы самоуверенность, граничащая с наглостью, и очень хорошее знание всех тонкостей диабета. Ляля считала, что компаньоны в них не разбирались. Но то было три года назад...

Короче, пора к ним наведаться.

Глава 7

...Бизнес Карачаева оказался весьма туманным. Официально это даже не являлось бизнесом – так, некий фонд под ничего не значащим названием «Третье тысячелетие». Кое-какая скромная коммерческая деятельность имела целью поддержание существования фонда: заработанные средства шли на его развитие. На первый взгляд, никаких личных паев и долей в нем не существовало, и компаньоны, собственно, были его содиректорами. Смерть Карачаева ничего им принести не могла.

Но только на первый взгляд. Кис тут даже копать не стал: он не раз сталкивался и знал по опыту, что такими невыразительными фондами нередко прикрывается большой – очень большой! – бизнес. Да и само слово «компаньоны» возникло не случайно – ни Кеша, ни Ляля не могли его ввести в обиход, только сам Карачаев. Но так называют совладельцев, а не просто коллег. И сколько там неучтенных средств тихо осели в офшорах на счетах *совладельцев*, благополучно миновав фонд, и какие по этим средствам счета между компаньонами?

Надо полагать, что, имея исключительный доступ к секретным счетам в неведомых банках, они теперь просто разделят долю Карачаева между собой, и никто об этом даже не узнает. Что есть вполне хорошенький мотив для убийства.

Прехорошенький даже. Только совершенно теоретический на данном этапе...

Компаньоны Карачаева оказались двоюродными братьями. Они принадлежали к одному типу внешности (холеные лысеющие brunеты маленького роста, средней комплекции; потливы, румяны и улыбчивы не в меру), и даже их фамилии были созвучны. Ни дать ни взять лиса Алиса и кот Базилио!

Юрий Блинков и Георгий Воротников дружно смотрели на детектива честно-хитрыми зеленоватыми глазами.

– Ну что вы, в нашей отчетности все прозрачно! – вещал Блинков.

– Мы налоги платим по-белому, – вторил ему Воротников.

– Кто бы сомневался... – проворчал про себя Кис.

Ясно, что к скрытым счетам его никогда не подпустят, и наличие у братцев мотива для убийства он никогда не докажет. Пока что Алексей решил, за невозможностью проверить мотивы, проверить физические возможности для подмены. Он собирался прихватить незаметно какую-нибудь ручечку из офиса, чтобы отдать в лабораторию и сравнить с отпечатками на стаканах виски. Однако эта уловка не понадобилась. Братцы ответили ему сразу же:

– Да, мы заходили к Афоне в субботу вечером. Одну бумажку надо было срочно подписать, а он ведь в отпуск собирался....

Братцы поведали, что Афоня находился в отличной фор-

ме, хоть и был несколько сонным, что они посидели с ним полчасика, обсуждая дела фонда, выпили по «височки» и разошлись. Афоня спать, а братцы восвояси по домам.

Кис еще немного покопал на предмет диабета, но оба компаньона дружно заявили, что в этом деле черт ногу сломит и что понятия они не имеют ни малейшего, как, что и когда Афоня должен был себе колоть.

«М-да... А ты на что рассчитывал? – строго поинтересовался у самого себя детектив. – Что ща они тебе на шею с признаниями кинутся?!»

Секретарша, о которой Кис спросил напоследок, пребывала в отпуске. А после отпуска будет уволена.

– Романчик Афоня с ней так-таки завел, верно, – скорчил гримасу Блинков. – Мы с Георгием даже были вынуждены ему заметить, что это мешает работе... Вроде ничего была девушка, пока Афоня с ней не спутался. А вот с тех пор она нагнела. Чувствовала себя под его защитой.

– А разве романчик не закончился годик тому назад? – поинтересовался Кис.

– Закончился, как же! Но Ольга уже стала неисправимой. Афоня хоть с романчиком и завязал, но чувствовал себя перед ней как бы виноватым... Уволить ее нам не давал и все время перед нами ее оправдывал. Мол, женщина с ребенком... Он был немножко Робин Гуд, наш Афоня. – На этих словах компаньоны переглянулись с усмешкой. – Бывшую жену содержал до последнего, хоть дочка с ним росла... Ска-

жите на милость, кой черт платить бывшей жене, если дитятко папаша содержит?! Ну, в общем, старых понятий мужик. В наше время знаете, почему надо женщину пропускать вперед? А чтоб она вам нож в спину не всадила!.. Надеюсь, что вы не заподозрите нас, господин сыщик, в убийстве Афони с целью избавиться от секретарши?

На этих словах Блинков с Воротниковым весело засмеялись, все так же переглядываясь с большим взаимным пониманием.

– Вы собираетесь ее теперь уволить? – уточнил Алексей.

– Мы ее уже уволили! Она ушла в отпуск и из него – тютю! В наш фонд не вернется.

Ну что ж, из этой информации следовало две вещи: во-первых, что у секретарши Ольги не было интереса устранять Карачаева, служившего ей гарантом ее рабочего места; а во-вторых, что она, без сомнения, настроена против двоих директоров и охотно расскажет детективу все, что знает. Кроме того, ребенок...

– Ребенок у нее не от Карачаева?

Тут весельчаки снова переглянулись, но на этот раз, кажется, с неподдельным удивлением. После чего заверили детектива, что так далеко Афоня все-таки не зашел.

Алексей покинул компаньонов Карачаева с некоторым чувством гадливости и в придачу с подозрением, что эти двое вполне могли бы устранить Карачаева, если у них в этом

имелся серьезный интерес. Однако факты и доказательства этого интереса пока не давались ему в руки. Секретарша находилась где-то на Кавказе в отпуске — что вы хотите, август! — и детектив счел целесообразным, прежде чем копать в глубь отношений между содиректорами загадочного фонда, покопать в сторону Яны.

С ее отъезда на Московское море уже прошло больше месяца, а она до сих пор не появилась. И в ее исчезновении было что-то нелогичное — хотя внезапный роман мог бы все объяснить. Но в таком случае надо убедиться, что он случился...

Кис не имел представления о том, где может находиться Яна в данный момент. По-прежнему на островах?

На этот вопрос никто не мог ему ответить. И потому Алексей предпринял еще один визит в квартиру Карачаева. На этот раз его задачей было обнаружить все, что могло иметь хоть малейшее отношение к Яне.

Он обнаружил, как и предположил Кеша, чемодан, набитый вещами, — хотя, с точки зрения детектива, внимательно изучившего его содержимое, он был еще недокомплектован: в нем отсутствовало нижнее белье и купальники. Видимо, Яна намерена дособирать чемодан после своего возвращения с Московского моря.

Где-то в таком случае должны быть и неиспользованные билеты на Мальдивы, верно? Только если Яна не отправи-

лась в путешествие в одиночку, что было бы весьма и весьма любопытно... Недособранный чемодан – еще не доказательство, чемоданов и вещей у Яны много, как сказал Кеша...

Кис направился наугад в кабинет и не ошибся. В одном из ящиков письменного стола он нашел два билета на Мальдивы. И два загранпаспорта. ДВА! Дате вылета уже исполнилось почти три недели. Почему же Яна не вернулась?

Он посмотрел на определитель номера: последний звонок датировался понедельником, в который Карачаев должен был забирать Яну с островов. На автоответчике сохранилось три сообщения – два от компаньонов, по делам, в даты, когда Карачаев еще был жив; и одно, последнее, в воскресенье, от Яны: «Папулечка, где ты? Не могу тебя застать ни на мобильнике, ни дома. Ну, я просто звоню подтвердить, что жду тебя завтра в Мелкове, как договорились!»

Алексей представил, как звучал ее бодрый голос над уже остывшим трупом Карачаева, и поежился.

После Яны не поступило ни одного звонка, что понятно: все были в курсе, что Карачаев уезжает в отпуск. О том, что Афанасий Павлович никуда не уехал, что его мертвое тело лежало здесь, на полу, недалеко от столика с телефоном, знал только один человек: убийца.

Интересно, почему больше не звонила Яна, за которой не приехал отец? Ведь, судя по ее сообщению, она о встрече с отцом не забыла, собиралась на нее приехать, – значит, романчик не закружил ей голову... Тогда где она? Почему мол-

чит?!

Алексей переписал последние входящие номера и вернулся в комнату Яны. Ее записную книжку он нашел без труда и, вчитываясь в ее размашистый и неразборчивый почерк, обнаружил то, что его интересовало в первую очередь: телефон ее матери.

– Как где? – ответила Любовь Захаровна. – Яночка на Мальдивах, с отцом!

– Когда вы с ней разговаривали в последний раз?

– Не помню... Еще в июле, по-моему. Яночка уже большая девочка, в мамочке теперь каждый день не нуждается... А почему вы ее ищете?

Только сейчас детектив сообразил, что мать Яны, скорей всего, не в курсе смерти Карачаева. В самом деле, ни Ляля, ни Кеша не знали ее телефона, да им и в голову не пришло: не их это дело – бывшей жене звонить; а Яна и сама не знала о смерти отца, судя по всему.

– Видите ли, Афанасий Павлович скончался. Я ищу Яну, чтобы сообщить ей об этом.

Он не стал выслушивать восклицания Любви Захаровны, равно как и отвечать на ее градом посыпавшиеся вопросы. Посоветовав связаться с племянником Карачаева Иннокентием, Алексей быстро распрощался. Записная книжка Яны манила его надеждой на богатый улов информации, и Кис приступил к прозвону немедленно.

Пыл его, однако, быстро поубавился. Номера либо не от-

зывались вовсе, либо сообщали родительскими голосами, что их дитяtko убыло на каникулы в Лондон... Париж... Хорватию... Италию...

Наконец Алексею повезло. Юра – так звали его собеседника – подтвердил, что отдыхал с компанией на Московских островах. Но распространяться на тему о Яне он не пожелал. «Когда я уехал с островов, она была еще там», – сдержанно сообщил он.

За этой сдержанностью, похоже, крылись некие отношения – или некое отношение Юры к Яне, но коль скоро Яна находилась не с ним, то и эти отношения ценности для детектива не представляли.

Несмотря на очевидное нежелание беседовать с детективом, Юра все же оказался юношей достаточно хорошо воспитанным и ответил, хоть и сквозь зубы, на вопросы Алексея. В результате у детектива оказался на руках небольшой список из восьми имен – члены компашки, облюбовавшей отдых на Московском море, а точнее, на Иваньковском водохранилище. Где они находились в настоящий момент, Юра не знал – или врал, что не знает. Но список фамилий уже сам по себе являлся ценностью, и Алексей вновь сосредоточился над записной книжкой Яны.

Оказалось, что до Юры он уже прозвонил четыре номера из восьми с результатом 2:2 – то есть два не ответили, два сообщили родительскими голосами, что нынче дите отдыхает в местах куда более комфортабельных, чем палатка на ди-

ком острове. Пятым был номер Юры, а из оставшихся трех откликнулся только один.

– Что вы говорите, Яна пропала?! – воскликнула женщина. – Конечно, конечно, я вам дам мобильный моего сына, Никиты... Как? А он ездит его заряжать куда-то, так что работает, будьте спокойны... Надеюсь, что с Яной ничего не случилось, – такая хорошая девочка, и отец у нее замечательный...

Кис распространяться про отца не стал, записал номер Никиты и распрощался с дамой.

Ее сын откликнулся сразу.

– Нет, Яна уехала давно, – ответил он на вопрос детектива. – Недели с три уже.

– Видите ли, дело в том, что в Москву Яна не приехала. Пропала. И я ее ищу.

– От Яны всего можно ожидать, – усмехнулся Никита. – Искательница приключений на свою голову...

Он легко согласился встретить Алексея на Ленинградском шоссе и привезти на остров, где еще находились двое других ребят. Кис быстро собрал сумку и тут же рванул в сторону Московского моря.

Глава 8

Никита оказался рослым, плотным, флегматичным блондином. Он любезно подсказал детективу, куда поставить машину, после чего они сели в моторку и поплыли. Под ее та-рахтение Алексей рассматривал проплывавшие по сторонам пейзажи. Он никогда здесь не был раньше, на этих затопленных территориях, и сейчас с удивлением созерцал необъятные просторы тяжелой, мутно-зеленой воды, омывавшей многочисленные островки, большие и совсем малюсенькие. Местами на воде маячили ярко-зеленые поляны ряски, в иных буйствовала осока с камышами. Кое-где из воды торчали черные скелеты коряг – останки затопленных когда-то деревьев.

– Вон там фарватер, – объяснял Никита, указывая рукой, – мы обычно на него не выезжаем, по нему прогулочные теплоходы ходят. Свои тут знают кратчайшую дорогу, между островами... Вы увидите, как тут классно!

Похоже, сообщением об исчезновении Яны он несколько не был обеспокоен. И Кис решил его слегка обеспокоить.

– Дело в том, что отец Яны умер. И никто не сумел с Яной связаться, чтобы ей сообщить об этом. Его даже успели похоронить. Без нее.

– Вот как? И что с ним случилось?

– Он болел диабетом... Вы в курсе?

– Нет. Яна никогда не говорила.

– Куда она могла, по-вашему, направиться с островов?

– Ни малейшей идеи. Кажется, ее должен был встретить отец...

– Ко времени их встречи он уже умер.

– Да? Тогда Яна, увидев, что папа не приехал, могла сесть в любую попутку и уехать в любом направлении. У нее в голове ветер странствий и охота к перемене мест...

Он коротко хохотнул.

– У Яны были с кем-то из вашей компании близкие отношения?

– Близкие? Что вы имеете в виду?

– Любовные.

– Нет. А дружила она со всеми... Ровно так дружила. Она девчонка смешная, веселая, заводная – вроде бы все к ней относятся хорошо, но никто не сближался. Или, точнее, Яна никого к себе слишком близко не подпускала. У нее даже подруг нет, насколько я знаю.

– А Юра? – спросил детектив, памятуя особо активное нежелание последнего отвечать на его вопросы по телефону.

– Юрка-то? Ну, он пытался к ней подъехать. А не получилось. Яна даже его не отшила, а... Знаете, у нее как-то все ладно получалось, не обидно: быстро перевела его в друзья, вот и все.

– Юре тоже не обидно?

– Ну, ему, может, и обидно... Но против Яны не попрешь.

Она как танк... Ласковый такой, дружеский танк...

Услышанное от Никиты никак не вязалось с тем, что Кис уже знал от Ляли и от Кеши. Но он прекрасно понимал, что любой человек поворачивается разными сторонами к друзьям и к родителям, к противоположному полу и к своему же. Посему он выводов делать не стал, просто заложил информацию в мозг. Анализировать будем потом.

Минут двадцать спустя они причалили к одному из островов, имевшему пологий берег. Никита ловко перескочил на твердую почву, подтянул лодку и подал руку Алексею. На берегу их встретили двое: Ира, очень худая девушка в желтом купальнике, с темными волосами, прихваченными на затылке в конский хвост, и Костя, невысокий парень в шортах и без майки. И то: август выдался жаркий и влажный, а здесь, на воде, влажность была еще выше.

Кис осматривался, ведомый своими тремя словоохотливыми гидами. Сразу же за отлогим песчаным берегом простиралась большая ровная поляна, местами поросшая вереском, за ней теснился смешанный лес. В центре поляны стояли рядом три цветные просторные палатки – дорогие, импортные. На натянутой между деревьев веревке сушилось белье.

– А вот тут у нас кухня.

Навес, сооруженный из стволов деревьев и покрытый полиэтиленовой пленкой, защищал грубо сколоченный обе-

денный стол с двумя лавками; переносную газовую плиту, к которой примыкал рабочий стол; а также выкопанную в земле яму с крышкой, служившую погребом. Возле плиты стояли корзинки с картошкой, морковкой, луком и свежими отборными грибами – белые и подосиновики, явно только что собранные. Чуть поодаль, на импровизированной полке, находились приметы цивилизации, как-то: рулоны бумажных полотенец и туалетной бумаги, фольга и пленка для пищевых продуктов. Рядом висела большая матерчатая сумка, набитая пластиковыми пакетами, и горкой возвышались картонные тарелки и пластмассовые стаканы. Хозяйство увенчивалось объемистым зеленым мусорным мешком.

– Мы мусор вывозим на берег, в контейнеры, – гордо сказал Никита. – А вот здесь у нас баня!

Гиды привели его к выкопанной в высокой части берега пещере, где и в самом деле находились лавка и печка с камнями. Пещера закрывалась плотной полиэтиленовой занавеской, наподобие тех, что продаются для ванн.

– Можжевельник и вереск здесь в избытке, – поясняла молодежь, – и банька душистая получается! А потом, разогревшись, шашь в речку!

У Киса шевельнулось чувство, близкое к зависти. Эх, ему бы так пожить хоть недельку!

Молодежь, в заботах о физической форме, проводила на природе весьма спортивный отдых: волейбольная сетка маячила по правую руку за тремя развесистыми деревьями, от-

делавшими «жилую» поляну от «спортивной». У берега валялись водные лыжи, ракетки для бадминтона лежали у одной из палаток, у другой тускло блестели круглыми боками гантели.

Судя по фотографиям Яны, она никак не тянула на любительницу спартанского образа жизни в палатках. Но нынче «здоровый образ жизни» стал чуть ли не знаком элитарности, и детектив вполне мог представить, что компания очень обеспеченных детишек очень обеспеченных родителей устроила себе такую палаточную романтику.

Закончив обследование местности, он собрал всех троих на «кухне», где, подчеркнув, что Яна исчезла крайне загадочным образом, потребовал комментариев.

Комментарии ребят сводились к следующему: около трех недель назад, во второй половине дня понедельника, Яна покинула остров на своей моторке. Точнее, моторка принадлежала не ей: Яна ее взяла в аренду у кого-то из местных, но у кого именно, никто не знал. Она всем объявила, что убывает с папулей на экзотические острова и что папуля должен подобрать ее в деревне Мелково, выходящей на Ленинградку. Никаких иных намерений она не высказывала либо не стала ими ни с кем делиться. До сих пор все были уверены, что Яна давно отдыхает на Мальдивах, и ее исчезновение всем в новость. Хотя, по зрелом размышлении, особо и не удивляет: характер у девушки еще тот – способна на любые авантюры.

– Например? – ухватился детектив.

Никита усмехнулся.

– Вы только не подумайте, что речь идет о взятии банка. Это все в мелочах проявляется. Яна – девица взбалмошная, в голове у нее ветер. То она всю компанию заводит потащить-ся куда-то на окраину, чтобы посмотреть редкий фильм, то сама посреди дороги заявляет, что передумала, – и поворачивает обратно... – Никита добродушно усмехнулся.

– И за ней поворачивают все остальные! – Ира тоже усмехнулась, но отнюдь не добродушно.

– Яна – лидер в вашей компании? – невинно поинтересовался детектив, намеренно поддразнивая ребят, чтобы разузнать побольше.

– Да ладно тебе, Ир, – примирительно произнес Никита. – Нет, она не лидер, – это уже Алексею. – В нашей компании всего несколько девушек, и мы считаемся с желаниями наших дам!

– Просто ей нужно быть постоянно в центре внимания, – произнесла неприязненно Ира. – Ей все равно, что делать, лишь бы выделиться из остальных, лишь бы все занимались только ею!

– Вы с ней в ссоре? – поинтересовался Кис.

– Я с ней не в ссоре. И не в мире. Я с ней никак.

– Да ладно тебе, – вмешался Никита, – нормальная она девчонка!

– Я разве сказала, что ненормальная? – огрызнулась Ира. – Она только вас всех гипнотизирует, а так все нормаль-

но, отлично просто!

– С кем из вашей компании Яна дружила больше?

– Ни с кем, – ответил молчавший до сих пор Костя, а Никита подтвердил его слова энергичным кивком. – Она со всеми одинаково общается.

– Ага, только кто-нибудь к ней намылится, так она, как обмылок, из рук выскальзывает! – подала реплику Ира.

– Уж не Юру ли вы имеете в виду?

– Именно его! – при этих словах Ира почему-то бросила уничижительный взгляд на Костю.

Понятно. В коллективе, как водится, свои разборки. Свои симпатии и антипатии, ревность и соперничество... Из этого наворота Яна вырисовывалась как человек одновременно весьма дипломатичный и крайне импульсивный. Редкое сочетание, и, надо думать, в нем и заключается особое обаяние Яны, которое так раздражало Иру уже хотя бы потому, что мужская часть компашки была к этому обаянию явно чувствительна...

Впрочем, на данный момент детектива куда больше интересовало исчезновение Яны, чем ее характер.

– Иными словами, – остановил он перепалку, – вы считаете, что среди вас нет человека, который может быть хорошо осведомлен о планах Яны?

Троица подтвердила, что такого человека не имеется. Хотя бы уже по той причине, что Яна о своих планах ничего не знает сама. Они рождаются и умирают в пределах одной

минуты.

– В день отъезда Яна была как-то особенно обеспокоена? Или задумчива? Или, наоборот, очень оживлена?

– Да нет вроде, – ответил Никита. – У нее всегда хорошее настроение. И в тот день тоже было хорошим.

– Я иногда задаю себе вопрос, – проговорила Ира, – доживет ли она хоть чем-нибудь? По-моему, она просто пофигистка. А у пофигистов всегда хорошее настроение, потому что им все по фигу...

Расспросив об одежде и багаже Яны в день отъезда, Кис покинул остров в сопровождении все того же любезного Никиты. С тем, чтобы пуститься в расспросы в деревне Мелково на Ленинградке, у которой он как раз и припарковал свою «Ниву».

Вооружившись фотографией Яны, прихваченной из квартиры Карачаева, он обошел местный магазин, жалкое придорожное кафе и даже окрестные дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.